

УЧИТЕЛЬ, ДЕПУТАТ, КОМИССАР, ЭМИГРАНТ...

ЗАМЕТКИ ОБ А. Н. РУСАНОВЕ

Татьяна Яковлевна ИКОННИКОВА, кандидат исторических наук, заведующая кафедрой Отечественной истории Хабаровского государственного педагогического университета, доцент. Специализируется по теме «История Дальнего Востока России в годы первой мировой войны». Автор ряда научных публикаций по исследуемой проблеме.

В конце XX в. российская история в который раз прочертила причудливую траекторию и привела к изменению вектора социально-экономического и политического развития страны. На фоне громких дат и событий, отгремевших в центре страны восемьдесят лет назад, вспомним, что 25 декабря 1997 г. ровно столько же лет исполнилось со дня открытия в Хабаровске третьего Дальневосточного съезда советов рабочих и солдатских депутатов, который провозгласил советскую власть в крае. А в ночь накануне был арестован представитель «старой власти» — комиссар Временного правительства, депутат IV Государственной Думы Александр Николаевич Русанов. В последние годы это имя стало заметно притягательным для историков и краеведов, которые вернули имени Русанова и эпитет, данный местной прессой далекой весны 1917 года, — «дальневосточный Керенский», и в известной степени идеализировали его¹. Но привилегией и правом исследователя является не только учет мнений современников событий и политической конъюнктуры. Важен и критический взгляд на соотношение достижений и неудач, взлетов и падений тех лиц, чья деятельность становится объектом изучения.

Из анкеты депутата IV Государственной Думы, сохранившейся в фондах Российского государственного исторического архива, известны основные вехи жизни А.Н. Русанова. Он родился 7 мая 1881 г. в Брянском уезде Орловской губернии в семье земского врача. Окончил с отличием физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета и приехал на Дальний Восток, где с 15 июля 1906 г. по 1 ноября 1912 г. состоял штатным преподавателем физики в Хабаровском реальном училище².

Активная деятельность А.Н. Русанова проявилась не только в педагогическом, но и во многих других направлениях. Он участвовал в работе Приамурского отдела Российского географического общества, несколько лет подряд (1908 — 1912 гг.) избирался председателем хабаровского Общества содействия народному образованию и просвещению. Уже будучи депутатом Думы, А.Н. Русанов представлял интересы педагогов края на втором Всероссийском имени Ушинского съезде учителей. Это было не формальное присутствие. А.Н. Русанов председательствовал на одной из секций, где слушался доклад, разработанный им в соавторстве с другим делегатом от Приамурья — А.П. Ко-

совановым. Тема доклада касалась проблем образования детей из семей педагогов³. Таким образом, вопросы профессиональной учительской деятельности продолжали быть в центре внимания депутата Русанова.

В армии он не служил, что впоследствии потребует разъяснений. На пришедший к нему в марте 1913 г. запрос из канцелярии Государственной Думы он ответил так: «По отбыванию воинской повинности пользовался льготой первого разряда по семейному положению при призыве в 1902 г. Пребывание мое в качестве штатного преподавателя среднего учебного заведения... освобождает меня от воинской повинности»⁴. Последним днем учительской службы он назовет 1 ноября 1912 г., т.е. дату отбытия из Хабаровска в столицу, где начинала свою работу IV Государственная Дума.

В связи с тем, что сюжет о выборах А.Н. Русанова депутатом IV Государственной Думы еще не был предметом самостоятельного изучения историков, остановимся на нем подробнее. В октябре 1912 г. на хабаровском уездном съезде городских избирателей Русанов был избран в выборщики на областной съезд Приморской области, где и предстояло решить, кто же будет депутатом Думы. Из 16 человек, участвовавших в работе съезда, 12 были крестьяне с образованием, как они сами указали в анкетах, — «низшим», а то и вовсе «домашним». Николаевск-на-Амуре представлял редактор газеты «Амурский Лиман» Н.И. Шантаров. От Никольска-Уссурийского прибыл инспектор городского ремесленного училища К.М. Прокопьев. Хабаровск выдвинул трех выборщиков. Ими были коллежский ассессор, учитель хабаровского реального училища А.Н. Русанов; помощник агента Амурского пароходства В.В. Граженский, который по сословной принадлежности назвал себя крестьянином, и мещанин З.И. Максимов. Из всех выборщиков только двое — А.Н. Русанов и К.М. Прокопьев — имели высшее образование⁵.

О накале выборной борьбы говорят беспристрастные строки документа, подписанные 13 ноября 1912 г. исполнявшим обязанности вице-губернатора Приморской области Сухановым. А.Н. Русанов был «избран в члены Государственной Думы при баллотировке кандидатов в Областном Избирательном Собрании в Никольск-Уссурийском... и получил 9 избирательных голосов и 8 неизбирательных»⁶. Таким образом, минимальный перевес в один (!) голос сделал Александра Николаевича депутатом IV Государственной Думы. Для сравнения и сохранения исторической объективности следует отметить, что его коллеги — два других дальневосточных депутата — тоже были избраны далеко не единодушно^{7,8}.

После выборов 37-летний А.Н. Русанов прибыл в столицу.

В конце ноября 1912 г. в местной печати появились публикации на тему «Сибирские вопросы и Государственная Дума». Они носили характер «наказов» депутатам, с законодательной деятельностью которых связывались большие надежды на решение важнейших социально-экономических проблем края. Их суть сводилась к формуле: «Мы хотим в Сибири таких же реформ, которые давно имеет Европейская Россия». Для подготовки и проведения соответствующих законопроектов в IV Государственной Думе сформировалась сибирская группа депутатов, в которую вошли 7 кадетов, 4 трудовика, 2 социал-демократа и «один неопределившийся левый», которым и был А.Н. Русанов⁹.

Постепенно А.Н. Русанов втянулся в думскую работу¹⁰ и стал по мере своих возможностей отстаивать интересы края в столице. Например, он принял деятельное участие в обсуждении вопроса о положении городского хозяй-

ства Владивостока. В начале 1914 г. правительство внесло в комиссию Думы по городским вопросам законопроект о водоснабжении Владивостока. Дело, требовавшее срочного решения, упиралось, как и во все времена, в острейшую нехватку финансов. В связи с этим А.Н. Русанов телеграфировал во все дальневосточные газеты: «Правительство указывает собственно на свои грехи, когда оно говорит о задолженности Владивостока, но свои грехи оно старается вменить в вину городскому самоуправлению»¹¹.

Из газетных отчетов весны 1914 г. можно видеть, что когда владивостокские проблемы обсуждали в думской комиссии, А.Н. Русанов присутствовал на заседании с правом совещательного голоса и «указал комиссии на действительное положение вещей во Владивостокском городском самоуправлении». Вырубка 700 десятин леса вокруг города, явочное занятие больших земельных участков военным ведомством лишали тогдашнюю городскую Думу возможности пополнять свою кассу и направлять средства на решение вопроса о водоснабжении.

Речь дальневосточного депутата была хорошо аргументирована и прозвучала весьма убедительно. Об этом свидетельствовало заявление депутата Закржевского: «Я пришел сюда, — сказал он, — с тем, чтобы отклонить этот законопроект. Но после объяснений депутата Русанова я могу сказать только одно — город ограблен. Надо принять все меры к тому, чтобы Владивосток получил вознаграждение за все свои потери и убытки». Все другие члены думской комиссии по городским вопросам «без различия их политических убеждений, согласились с мнением Закржевского». Получив такую поддержку коллег, А.Н. Русанов внес на рассмотрение Государственной Думы вопрос «о вознаграждении убытков Владивостоку»¹².

Начавшаяся 19 июля (1 августа) 1914 г. первая мировая война нарушила планы мирного времени. Указами императора работа IV Государственной Думы несколько раз прерывалась длительными «парламентскими каникулами». Обеспокоенные положением на фронте депутаты Думы принимали участие в организации общественных патриотических сил для поддержки армии.

А.Н. Русанов не остался в стороне от этой работы. Он состоял уполномоченным Всероссийского союза земств и городов (Земгор). Этот союз, созданный после тяжелых поражений на фронте в июле 1915 г., занимался военно-экономической мобилизацией ресурсов всех частных заводов и фабрик, чтобы преодолеть кризис снабжения фронта. Выезжая по делам Земгора в Москву и другие города, обычно дисциплинированный А.Н. Русанов стал пропускать заседания Думы, о чем, согласно установленным правилам, давал письменные объяснения на имя председателя Думы¹³. На Дальнем Востоке работа Земгора в силу ряда причин не велась, поэтому можно сказать, что А.Н. Русанов, принимая на себя ряд обязанностей по линии этой организации, действовал уже не столько как депутат от Приамурья, а как общественный деятель российского масштаба.

Во время депутатских командировок в свой избирательный округ А.Н. Русанов, как и многие его коллеги по IV Государственной Думе, выступал с лекциями и докладами, собиравшими большую аудиторию. Однако такое увлечение «просветительской» деятельностью депутатского корпуса встретило в 1916 г. критику центральной прессы¹⁴.

Причины выделения такого рода материалов в обзорах прессы, по-видимому, отражали упреки к деятельности и дальневосточных депутатов. Например, нет сведений об их участии в работе или хотя бы материальной поддерж-

ке в форме разовых взносов в пользу «Приамурского комитета по оказанию помощи раненым, увечным и больным воинам и их семьям». Созданный на добровольные пожертвования всех слоев населения края этот комитет был гордостью дальневосточников¹⁵. Индифферентное отношение к его работе А.Н. Русанова не могло не удивлять хотя бы потому, что центральное правление комитета находилось в Хабаровске, который депутат IV Государственной Думы посещал для разъяснения сложной ситуации на фронте.

Февральская революция 1917 г. внесла крутые революционные изменения в жизнь России. Распоряжением Временного правительства 8 марта 1917 г. был учрежден Комитет по управлению Сибирью. Комиссаром по делам Дальнего Востока был назначен А.Н. Русанов. Пожалуй, первыми, от кого он получил поздравительную телеграмму, были его бывшие сослуживцы по хабаровскому реальному училищу¹⁶. В ответ на многочисленные приветствия А.Н. Русанов телеграфировал: «Принял трудное и ответственное поручение Временного правительства и Государственной Думы в надежде на совместную, основанную на доверии, работу с населением и общественными организациями»¹⁷.

14 марта он выехал на Дальний Восток, а 25 марта его торжественно встречали на станции Пограничной, где представителя новой власти «после речи, произнесенной им с платформы вагона, на руках отнесли к экипажу»¹⁸. Через несколько дней А.Н. Русанов прибыл в Хабаровск. Встреча, оказанная ему здесь, как и везде, носила характер всенародного праздника. Заметим, что все прежние приезды депутата IV Государственной Думы в край проходили в скромной обстановке.

В мартовские дни 1917 г., в дни всеобщего ликования по поводу свержения самодержавия, А.Н. Русанов, по-видимому, стал персонифицироваться с идеалом сильной и одновременно демократической личности, которая, облеченная доверием новой власти, наконец-то решит в крае весь груз накопившихся проблем. Интересно отметить, что сам Александр Николаевич, как бы предупреждая столь чрезмерно высокие ожидания, которые он навряд ли сможет оправдать, говорил: «Я прошу смотреть на меня не как на агента власти правительства вроде прежних... я только посредник между населением края и правительством, а дело строительства края всецело в ваших руках»¹⁹.

Однако теперь А.Н. Русанову самому пришлось вплотную заниматься решением того сложнейшего комплекса вопросов, которые совсем недавно находились в ведении арестованного 5 марта по решению хабаровского Комитета общественной безопасности приамурского генерал-губернатора Н.Л. Гондатти. И прежде всего надо было решить судьбу самого Н.Л. Гондатти. Ситуация усугублялась быстро ставшим «модным» презрительно-агрессивным отношением к «слугам старого режима», которое пресса (единственный тогда источник массовой информации) стала активно внедрять в сознание «граждан свободной России». О Н.Л. Гондатти, бывшем с 1911 г. приамурским генерал-губернатором и много сделавшем для обустройства края, газеты теперь писали не иначе как о «типичном бюрократе новейшего пошиба», «самоуверенном «маленьком Столыпине». Одна из местных газет перепечатала статью из «Русского вестника», где говорилось о том, что у Гондатти якобы «все его таланты и звания роковым образом обращались всегда на вред и горе России... Гондатти был злым гением русского Дальнего Востока»²⁰.

У Русанова такие публикации вызывали чувство досады и недоумения. Будучи депутатом, он знал, что немало полезных и инициативных предложе-

ний Н.Л. Гондатти по реформированию и упорядочению жизни края было принято IV Государственной Думой²¹. Правда, когда в связи с революцией в Китае Гондатти ввел в Приамурье в 1912 г. военное положение, то Русанов, поддавшись «демократическому порыву», резко критиковал генерал-губернатора в столичной печати²¹.

4 апреля, т.е. через месяц после ареста Н.Л. Гондатти, в присутствии комиссара Временного правительства А.Н. Русанова состоялось заседание Хабаровского Комитета общественной безопасности, на котором должен был решиться вопрос о судьбе бывшего приамурского генерал-губернатора. А.Н. Русанов прекрасно понимал, что надо найти компромисс между «революционной бдительностью» и голосом разума. Зная, что законных оснований и поводов к аресту Н.Л. Гондатти так и не было выявлено, Русанов заявил «о необходимости или предъявить к арестованному судебное обвинение и сообщить об этом Временному правительству или же освободить бывшего генерал-губернатора, предоставив ему возможность уехать в Петроград». Поддержкой позиции А.Н. Русанова было распоряжение Временного правительства об освобождении из-под ареста всех генерал-губернаторов, «которые не оказывали противодействия общественным организациям во время революции». После полуторачасового обсуждения этого вопроса комитет, несмотря на резкие протесты его председателя А.И. Малышева, постановил освободить Н.Л. Гондатти²². Таким образом, свободой последний царский главный начальник края был во многом обязан решительной позиции своего неожиданного преемника.

Однако у бывшего учителя и депутата Государственной Думы явно не хватало опыта административной работы и перспективного видения проблем регионального масштаба. Он не умел «схватывать» хозяйственные вопросы. Приведем только один пример, связанный с работой Владивостокского порта. В связи с тем, что в годы первой мировой войны Балтийское и Черное моря были зонами боевых действий, Владивосток и Архангельск стали единственными крупными портами, через которые в Россию поступала помощь союзников по Антанте и из нейтральных стран. Хроническая нехватка вагонов привела к тому, что к марту 1917 г. во Владивостоке скопилось огромное количество военно-промышленных грузов, поступивших из США и Японии. Залежи грузов в порту приближались к 35 млн. пудов, продолжая поступать непрерывным потоком. С конца 1916 г. их стали размещать прямо на земле, на прилегающих к территории порта улицах. Количество взрывчатых веществ в портовых и частных складах уже превышало 750 тыс. пудов, что в случае взрыва могло уничтожить всю крепость Владивостока²³. Поиск вагонов и максимально быстро возможное отправление груза адресатам, в первую очередь в действующую армию были «головной болью» и генерал-губернатора края, и командующего Приамурским военным округом, и центральных ведомств и т.д.

Трудно даже предположить, чтобы за два — три месяца в условиях резкой смены власти и почти стихийного образования новых структур управления могло быть достигнуто принципиальное решение проблемы разгрузки Владивостокского порта. Однако А.Н. Русанов в телеграмме, отправленной 29 мая в Петроград, высказал свою «полную уверенность, что состояние порта и грузов... почти не внушает никаких опасений... опасные грузы вывезены»²⁴. Столь радужная оценка проблем, накопившихся за почти три года войны, была или сознательно приукрашенной, или, что представляется более точным, диле-

тантской. Заметим, что американские и японские грузы, поступившие во Владивосток в годы первой мировой войны, станут острой проблемой и советской власти, и белых режимов, сменявших друг друга в 1917—1922 гг.

Одной из главных забот комиссара Русанова стала подготовка запрашиваемых правительством материалов, а затем проведение в жизнь постановлений Временного правительства от 15 апреля, 21 мая и 17 июня о введении земских учреждений в Амурской, Приморской и Сахалинской областях²⁵.

Знакомство с деятельностью А.Н. Русанова летом 1917 г. позволяет предположить, что его увлечением стало участие в самых разнообразных представителях местной власти и общественных организаций. Он охотно давал согласие на выдвижение своей кандидатуры в избирательных кампаниях, которые стали приметой времени.

Не имея возможности присутствовать на открытии второго Дальневосточного съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, открывшегося в Хабаровске 3 августа, он прислал делегатам приветственную телеграмму с пожеланиями успешной работы²⁶. Конечно, он не мог и предположить, какие перипетии приготовит ему судьба накануне открытия следующего, третьего, съезда этой организации. А пока комиссар Временного правительства был предложен к избранию в состав краевого исполкома Дальневосточного совета, и так как «никто не протестовал», он был единогласно избран в его состав²⁷.

Вскоре Временное правительство для упорядочения власти на местах приняло решение о проведении муниципальных выборов во всех городах страны на новой основе — по партийным спискам. 6 августа в Хабаровске состоялись выборы в городскую думу. А.Н. Русанов баллотировался и стал депутатом этой думы по списку №3, составленному Хабаровским советом рабочих и солдатских депутатов совместно с блоком партий эсеров и социал-демократов²⁸.

Участие в этих выборах вызывает удивление. Вероятно, А.Н. Русанов стремился не терять популярности. Но невозможно предположить, что он намеревался серьезно работать в краевом исполкоме совета рабочих и солдатских депутатов, и в хабаровской городской думе, оставаясь при этом комиссаром Временного правительства по делам Дальнего Востока. Давая согласие на такого рода представительство, а по сути на роль «свадебного генерала», Русанов, напротив, терял авторитет.

С началом осени социально-экономическая ситуация в крае, как и по всей стране, обострилась. В условиях продолжавшейся первой мировой войны шла дезорганизация армии. Возникли перебои с продовольствием. Росли цены. Галопировала инфляция. В условиях системного кризиса, который переживала Россия, не появилось пока харизматического лидера, способного предложить выход из тупика. Не являлся таковым ни глава Временного правительства Александр Керенский, ни тем более его дальневосточный тезка Александр Русанов. В создавшихся условиях комиссар по делам Дальнего Востока мог лишь констатировать дестабилизацию ситуации в крае и по мере поступления информации внимательно следить за ходом развития событий в столице.

Своеобразной была реакция А.Н. Русанова на телеграммы, полученные им о революционных событиях в Петрограде 25—26 октября 1917 г. Он принял решение обсудить их на экстренном заседании Хабаровского совета рабочих и солдатских депутатов совместно с представителями эсеровской и социал-демократической партии. На заседании, состоявшемся поздно вечером 26 ок-

тября, была принята резолюция о том, что хабаровский исполнительный комитет рабочих и солдатских депутатов «самым решительным образом осуждает вооруженное выступление с целью передачи власти в руки Советов... и настаивает на необходимости принятия всех без исключения мер к созыву Учредительного собрания в назначенный срок независимо ни от каких событий»²⁹.

Относительно властных полномочий Русанова было принято любопытное решение: «... предоставить комиссару Временного правительства право опубликовать полученные им телеграммы... о петроградских событиях. Кроме того, исполнительный комитет считает возможным информировать население только по получении им точных сведений и по вынесении своей по сему резолюции»³⁰. Таким образом, действия А.Н. Русанова были поставлены в зависимость от решения Хабаровского городского исполкома совета рабочих и солдатских депутатов. Впрочем, с определенной долей уверенности можно утверждать, что в условиях той информационной неразберихи, которая царила в сообщениях из центра, это было проявлением осторожности и продуманной тактики по разделению меры ответственности самого комиссара Временного правительства. Правомочность такого предположения подтверждают последующие шаги А.Н. Русанова.

Заручился он и поддержкой иностранных консулов во Владивостоке, о чем телеграфировал всем областным комиссарам после встречи 14 ноября с командующим американским Тихоокеанским флотом адмиралом Найтом: «Представители иностранных государств во Владивостоке сносятся только с комиссаром Временного правительства. Адмирал американского флота... заверил о неизменности дружеских отношений. Иностранные консулы считают большевиков узурпаторами народной власти».

23 ноября в Хабаровске была получена телеграмма В.И. Ленина, в которой советам всех уровней предлагалось немедленно взять власть в свои руки. В этот же день А.Н. Русанов совместно с хабаровским городским головой Л.М. Загибальовым обратился к населению края с воззванием, направленным против Совета Народных Комиссаров. Воззвание подписал и председатель краевого комитета Н. Вакулин, за что его будут резко критиковать на третьем Дальневосточном съезде советов.

Несмотря на то, что в воззвании выражалась решимость подавлять призывы к беспорядкам и любые незаконные действия, это уже были только слова. Главная сила — хабаровский гарнизон, состоявший в основном из ополченческих дружин, сформированных в центральных и волжских губерниях и мечтавших вернуться домой, встал на сторону большевиков. Имеются свидетельства, что уже 20 ноября собрание солдат хабаровского гарнизона приняло решение о немедленной передаче власти советам и упразднении должности комиссара Временного правительства³¹.

Известно, что на организацию провозглашения советской власти в дальневосточных городах у местных большевиков и прибывших к ним на помощь единомышленников из центра страны, Сибири и даже из эмиграции ушло почти два месяца. На повестку дня вставал вопрос об установлении власти советов в масштабах края. Эту задачу должен был решить третий Дальневосточный съезд советов рабочих и солдатских депутатов, датой открытия которого в Хабаровске было назначено 12 (25) декабря.

В этой обстановке А.Н. Русанов решился на отчаянный шаг, который, по его мнению, вероятно, должен был или предотвратить или хотя бы отсрочить

взятие власти в крае советами. Он в срочном порядке собрал совещание представителей дальневосточных земств и городских самоуправлений, которое провело свою работу в ночь с 11 на 12 декабря. А.Н. Русанов объявил о своем отказе от участия в дальнейших событиях. Но соблюдая, как ему казалось, дух и букву закона, он передал все свои полномочия и всю полноту власти в крае Временному бюро земств и городов. Оно было создано из шести человек, т.е. по сути дела из всех прибывших на совещание лиц. Единственное, что успели сделать участники «ночного» совещания, была телеграмма о результатах его работы, отправленная во все города Дальнего Востока.

Той же ночью в краевом комитете стало известно о состоявшемся демарше А.Н. Русанова. Его вчерашний союзник Н. Вакулин, по-видимому, почувствовавший необходимость собственной реабилитации за подпись под воззванием, срочно посадил теперь уже бывшего комиссара Временного правительства под домашний арест. Приставленная стража состояла из нескольких солдат 724-й Пензенской ополченческой дружины.

Главным мотивом добровольного отказа от комиссарской власти, по объяснению самого А.Н. Русанова, была «полная неосведомленность о том, что происходит в центре, и отсутствием надежд на скорый созыв Учредительного собрания». Опасения у него вызывала и «серьезность внешнего политического положения Дальнего Востока»³². Но при таких обстоятельствах от человека, наделенного властными комиссарскими полномочиями в обширном российском регионе огромного военно-стратегического значения, можно было ждать более активных шагов, чем он предпринял. Складывается впечатление, что А.Н. Русанов сознательно «выходил из игры».

Среди делегатов съезда было немало лиц, которые хорошо его знали и высказывали ту или иную степень сочувствия даже во время работы съезда. Собственно, третий Дальневосточный съезд советов рабочих и солдатских депутатов и начал свою работу с того, что, как заявил председательствовавший Г. Калманович, «имеется один важный вопрос, который следует обсудить немедленно»³³. Этот вопрос касался ночного ареста А.Н. Русанова и заведовавшего делами комиссариата В.В. Граженского. Любопытно замечание, отмеченное в протоколах съезда, о том, что несмотря на то, что домашний арест был произведен в 5 часов утра и «были приняты меры к тому, чтобы все это происшествие не проникло в широкие массы, об этом уже говорят в городе»³⁴.

Обсуждение свелось к тому, что были одобрены меры, предпринятые краевым комитетом по аресту Русанова. Но тут же зазвучали слова: «Зная комиссара Русанова по его работе, от него вреда ожидать нельзя». Несколько делегатов съезда, представлявшие советы городов Никольска-Уссурийского, Благовещенска, Владивостока высказались за немедленное освобождение А.Н. Русанова. Большевик Л.Е. Герасимов, председатель Хабаровского совета, огласил просьбу железнодорожного союза об освобождении В.В. Граженского. С протестом против ареста последнего выступил и хабаровский комитет эсеровской партии. Делегат от Никольск-Уссурийского совета И. Козлов протестовал вообще против арестов Русанова и Граженского потому, что не видит в их действиях контрреволюционной политики. Ведь они же действовали открыто³⁵.

Таким образом, внимательное изучение протоколов съезда позволяет внести коррективы в устоявшиеся в советской историографии стереотипы о

«коварстве» Русанова и его методах созыва совещания земств и городских самоуправлений. Например, делегат от Владивостокского совета большевик М. Генкин заявил, что в Приморском областном исполнительном комитете рабочих и солдатских депутатов заранее получили приглашение А.Н. Русанова прислать делегатов на это совещание³⁶.

На первом пленарном заседании третьего съезда подавляющим большинством голосов было принято решение о создании комиссии из семи делегатов, которой поручалось принять все дела у А.Н. Русанова и В.В. Граженского и решить вопрос об их освобождении. В комиссию были избраны 4 большевика (И. Башаев, Д.Гершатер, С. Гросман, Я.Кокушкин) и 3 эсера (Г. Бадарин, И. Козлов, Н. Поспелов)³⁷.

Главная вина, которая после состоявшегося обсуждения вменялась А.Н. Русанову, состояла в том, что он не выполнил обещания, данного Дальневосточному краевому исполкому, в состав которого еще несколько дней назад входил и он сам. Обязательство состояло в том, чтобы «о всех важных телеграммах внутренней и внешней политики... заранее уведомлять краевой комитет, но своего обещания не исполнил, а члены комитета не сумели бывать у него, т.к. не хватало времени»³⁸.

Активные протесты против ареста А.Н. Русанова выразило только хабаровское учительство, из среды которого он пять лет назад был выдвинут на высокую государственную службу. Но всеобщая городская забастовка так и не состоялась. Сказывалась наступавшая апатия населения, уставшего от бесконечных потрясений 1917 г. и пока не ведавшего о предстоящих катаклизмах.

На второй день работы съезда пленарное заседание опять началось с вопроса о судьбе А.Н. Русанова. С. Гросман сделал краткий доклад о результатах деятельности комиссии, суть которого сводилась к тому, что по ее решению А.Н. Русанов и В.В. Граженский были уже освобождены. Причем, если Граженский сопротивлялся передаче ключей, то Русанов спокойно выполнил все требования.

Через несколько дней А.Н. Русанов уже как частное лицо беспрепятственно уедет из Хабаровска. Некоторое время он будет работать в Приморской земской управе, а затем в 1921 г. эмигрирует с семьей в Китай. В Шанхае он организует русское реальное училище и вернется к своему изначальному призванию — педагогической деятельности. Умер Александр Николаевич Русанов 13 июля 1936 г.

В заключение отметим, что при всех несомненных заслугах А.Н. Русанова его трудно отнести к тем политическим деятелям, которые оказали эпохальное влияние на жизнь российского Дальнего Востока. Он стремился к тому, чтобы доминантной линией его политики как комиссара Временного правительства по делам края был курс на стабилизацию и примирение всех общественных сил. Однако сцепление драматических конфликтов и потрясений, которые переживала страна в 1917 г., требовало более решительных и дальновидных политиков и в центре, и в регионах страны. Перевес только в один голос на областном съезде выборщиков вывел А.Н. Русанова на орбиту высокой российской политики. Он в целом старательно выполнял обязанности депутата IV Государственной Думы. Но когда волею непредсказуемых обстоятельств он стал представителем высшей административной власти в крае, ему

не удалось объединить конструктивные общественно-политические силы края и хотя бы затормозить нарастание шквала кризисных явлений, которые вылились в «окаянные» дни и годы, последовавшие за расколом россиян на «красных» и «белых». Однако вряд ли его можно строго за это винить.

- ¹ Жуков А. Дальневосточный Керенский. //Тихоокеанская Звезда. 1996. 9 окт.; Попов В. Интеллигенция у власти // Там же. 1997. 30 авг.
- ² РГИА. Ф.1276. Оп.9. Д.686. Л.1—3.
- ³ Приамурские Ведомости. 1915. 30 апр.
- ⁴ РГИА. Ф.1276. Оп.9. Д.686. Л.4(об.).
- ⁵ Приамурье. 1912. 17 окт.
- ⁶ РГИА. Ф.1276. Оп.9. Д.686. Л.3.
- ⁷ Там же. Д.168. Л.4.
- ⁸ Там же. Д.690. Л.4.
- ⁹ Приамурье. 1912. 28 нояб.
- ¹⁰ Там же. 29 декаб.
- ¹¹ Там же. 1914. 16 марта.
- ¹² Там же.
- ¹³ РГИА. Ф.1276. Оп.9. Д.686. Л.6.
- ¹⁴ Приамурье. 1916. 25 июня.
- ¹⁵ Иконникова Т.Я. Все для фронта! (Деятельность Приамурского комитета по оказанию помощи раненым на фронтах первой мировой войны) //Тез. науч.-практ. конф. «Гродековские чтения». Ч.1. С.36—39.
- ¹⁶ Приамурская Жизнь. 1917. 10 марта.
- ¹⁷ Там же. 15 марта.
- ¹⁸ Далекая Окраина. 1917. 25 марта.
- ¹⁹ Приамурская Жизнь. 1917. 28 марта.
- ²⁰ Далекая Окраина. 1917. 18 марта.
- ²¹ Дубинина Н.И. Приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти. Хабаровск, 1997. С.101, 111.
- ²² Там же. С.67.
- ²³ Приамурская Жизнь. 1917. 6 апр.
- ²⁴ РНБ. Отдел рукописей. Ф.445. Ед.хр.40. Л.6.
- ²⁵ РГИА. Ф.1278. Оп.5. Д.1348. Л.177.
- ²⁶ Приамурская Жизнь. 1917. 22 июня.
- ²⁷ Там же. 4 авг.
- ²⁸ ГАХК. Ф.410. Оп.1. Д.5. Л.32.
- ²⁹ Приамурская Жизнь. 1917. 5 8 авг.
- ³⁰ ГАХК. Ф.904. Оп.9. Д.1. Л.1.
- ³¹ Там же.
- ³² Бойко-Павлов Д.И., Сидорчук Е.П. Так было на Дальнем Востоке. М., 1964. С.119.
- ³³ Рудник С.Н. Революционные события в крае //Очерки истории родного края. Хабаровск. 1993. С.193.
- ³⁴ ГАХК. Ф.410. Оп.1. Д.5. Л.15.
- ³⁵ Там же. Л.16.
- ³⁶ Там же. Л.17, 18, 21, 23.
- ³⁷ Там же. Л.33.
- ³⁸ Там же. Л.24.

SUMMARY: The article by Candidate of Historical Sciences Tatiyana Ikonnikova «Teacher, Deputy, Commisar, Emigre...» depicts the life and activity of the Far Eastern Deputy of the IV State Duma of the Russian Empire A.N.Rusanov. After February Revolution 1917 he became Commissar of Provisional Government in the Far East. The dominating idea of his policy was the course for stabilization of the situation and consolidation of all social forces in the region.